

Сборник повестей

ПОД
ТЕНЬЮ
ВЕЧНОСТИ

АРИНА ЗАРУДКО

16+

Арина Зарудко
Под тенью вечности

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Зарудко А.

Под тенью вечности / А. Зарудко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-98944-3

Три повести. Три разные истории об одном – жизни с его бесконечными перипетиями. "Под тенью вечности" – о бессмертии любви. "Игры судьбы" – о невозможности вернуть былое. "Дама с ландышами" – о стремлении к внутренней гармонии и счастью в каждом дне. Три пазла, соединяющиеся в одну картинку, три типа любви: любовь вечная, любовь, застрявшая в прошлом, и самая главная любовь – к жизни.

ISBN 978-5-532-98944-3

© Зарудко А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Под тенью вечности	5
I	5
II	7
III	11
IV	14
V	18
VI	22
VII	25
VIII	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Арина Зарудко

Под тенью вечности

Под тенью вечности

Посвящается будущему адмиралу и вечному источнику счастья –
А. М.

I

Ирина, как сумасшедшая выскочила на террасу, искрометно ринулась к перилам и схватилась за них, как за единственную находящуюся рядом опору. Грудь у нее судорожно вздымалась, руки тряслись, а глаза не находили точки, на которой могли бы сконцентрироваться, поэтому бегали по всему окружающему, мало-помалу наполняясь слезами. Отдышавшись, она с изяществом утерла слезы и поправила растрепавшуюся прическу. С видом герцогини она вернулась в дом. Неспешно пройдя к чайному столику, она позвонила и приказала растопить камин.

– Жарко, ваше превосходительство. Вы не захворали? – Удивилась служанка.

– Нет, Соня, я просто долго стояла на ветру. Закрой ставни после.

Когда Соня удалилась, Ирина приблизилась к камину. Взглянув еще раз на письмо с отвращением, она бросила его в огонь, который в считанные секунды поглотил буквы, причинившие тому, кто их прочел, такую боль. Распроцавшись с письмом, Ирина решила заняться обычными в это время суток делами. Однако из этого ничего не вышло. В безрезультатных попытках заняться документами, рукоделием или цветами, которые приносил садовник для того, чтобы хозяйка собственноручно собирала из них букеты, она обессилила, и, усевшись за письменный стол, принялась писать письмо. Мысли ее путались, в голове разносились отзвуки проклятых слов, разрушившие ее надежды на счастливое будущее.

Писала она своей подруге Татьяне, в Москву, сообщая ей, не подбирая выражений, обо всем случившемся. Она просила ту не распространяться о предмете письма даже близким и оповестила ее о скором своем приезде, ибо находиться взаперти ей более было невмочь. Домашних она собиралась уведомить о решении отбыть этим же вечером.

Дело в том, что Ирина Александровна Астахова любила проводить летние дни на своей даче в Подмоскowie, которая располагалась в месте, пусть и уединенном, но весьма популярном среди любителей природы и чистого воздуха. Здесь и правда хорошо дышалось, а местность поражала красотой ландшафта и великолепием пейзажа, открывающимся каждому проезжавшему экипажу. Ирина Александровна прибывала сюда в компании старшей сестры и племянниц. Дача принадлежала семье Астаховых, посему неудивительно, что многие ее члены также предпочитали отдых от городской суматохи в данном месте. В этот раз сестра Ирины, Катерина Александровна Фолинская (в девичестве – Астахова), облюбовала дачу еще в мае. С ней прибыл ее супруг Николай и трое дочерей. Ирина же предпочла отправиться с приятельницей и ее протеже в Крым, чтобы поправить здоровье, и только в конце второго месяца лета присоединилась к родственникам.

Уже наступило время обеда, когда со стороны выхода в сад зазвенел детский смех и прибаутки. Ирина сидела против окна с книгой, из которой не прочла и страницы за час.

– Ну и пекло сегодня, однако. Правильно, что велела запереть ставни, в комнате от того прохладнее. Слушай, ну у Верочки просто чуйка на приключения. Они словно сами ее нахо-

дят. Не успели мы пройти к Залесьевым, она выловила, бог знает где, ящерку! Представляешь! Ящерку! Уму не постижимо... Так вот, эту злосчастную ящерку она выпустила прямо в доме у Залесьевых! А ты имеешь представление о том, какая чувствительная натура Аделаида Степановна. Шуму-то было...

Столько неиссякаемой энергии и жизни было в этом миниатюрном создании. Катерина Александровна была, как и сестра, красива, с широко распахнутыми глазами и крохотным, аккуратным ротиком. Это была пышущая здоровьем женщина тридцати лет, в которой энтузиазм плескал через край. Без дела ей сидеть не приходилось, но ей это нравилось, несмотря на постоянные ее недовольства.

Она одним движением развязала ленты на шляпе, поправила темно-русые косы, и выдохнув, присела на диван.

– Ну, чем ты занималась, Иринушка, в наше отсутствие?

– Ничем особенным. Почитала, отправила пару писем... Катя, мне в Москву нужно, – она захлопнула книгу и встала.

– Отчего? Ты недавно приехала! Что-то стряслось?

– Ничего не стряслось... – она замолчала, – А может быть, и да...

– Ира! – Катерина встала и подошла к сестре, в ее взгляде читалось беспокойство.

– Да брось! – Осадила ее Ирина. – Откуда, право, столько тревоги? – Она помолчала, затем выпила воды. – От Миши пришло письмо с утренней почтой.

– И что же он?

– Он разорвал помолвку.

На мгновение воцарилась тишина.

– Он «что»?! Нет, Ирочка, как же так? Нет... Он не в своем уме! Определенно, не в своем уме! Что же это... – Она снова села, сестра поднесла ей стакан воды. – Ты так спокойна, Иринушка... Как же он посмел так тебя оскорбить?

– Брось это, брось. Все мы знали, что это непременно случится. – Ирина встала у окна, спиной к сестре, взявшись за голову. – Я уеду завтра же. Тане я уже написала, ответа не просила, но уверена, она меня ждет. Она как раз должна вернуться на днях. – Она откинула золотистые пряди и повернулась к сестре с улыбкой на лице. – Все в порядке. Я ждала, Катенька. Я правда ждала. Я чувствовала. Постоянно... Не бывает хорошо слишком долго.

В гостиную влетели три девочки: девяти, шести и четырех лет, совершенно не похожие друг на друга. За ними вошла няня и Николай Константинович. Это был коренастый, плечистый мужчина с невероятно добрым выражением лица и бесконечной снисходительностью к дочерям.

– Обед подали, дорогие барышни. – Улыбнулся он. – Все хорошо? Ирина, ты словно бледная, нужна хорошая пища и воздух, знаешь, я не так давно читал лекцию в...

И Ирина, взяв под руку зятя, принялась слушать его историю, подкрепленную советами, которые так раздражали его супругу. Катерина Александровна же занялась детьми, которых также нужно было сопроводить к столу.

День тянулся бесконечно. И только когда алый обруч коснулся горизонта, Ирина выдохнула. Были даны распоряжения относительно утреннего отъезда. Николаю было решено ничего пока не сообщать. Сослались на важные дела, которые не терпели отлагательств. Во время завтрака Ирине Александровне принесли письмо от Татьяны, которая в самых пестрых выражениях настаивала на приезде подруги. Сразу же после завтрака, пока не настигла жара, Ирина расцеловала племянниц, сестру и зятя и покинула душное место, направившись напрямик в любимую Москву.

II

Проезжая нескончаемо тянувшиеся изумрудные чащи деревьев, сквозь которые пробивалось золото утренних лучей, Ирина размышляла о случившемся. Отчего женщинам приходится страдать от мужской глупости? Мужчинам почему-то дозволено принимать бесхитростные решения, ломающие жизни, но возвышающие их в собственных глазах. Для многих из них, женские чувства – пустяковина, им куда важнее, что съела их лошадь, или какие подтяжки сейчас в моде.

Михаил Черников был человеком более чем почитаемым в обществе. До безумия привлекательный, богатый, амбициозный и деловитый, своей харизмой он сводил женщин с ума. Он терпеть не мог Москвы, но часто имел там дела. Все женщины в его окружении готовы были пасть к его ногам, но он выбрал *ее*. Это было на одном из званых вечеров. Он сразу ее заметил, но был уверен в том, что она не поддастся на его чары. Их представили, и весь мир для них обоих перевернулся. Они более не были прежними, они были возлюбленными. Черников медленно подступался к ее сердцу, не понимая того, что уже им завладел. Ирина впервые по-настоящему влюбилась. Юная семнадцатилетняя девчонка отдала свое сердце человеку распушенному, любвеобильному и не ищущего серьезности. Очень долго она была в неведении, очень долго мучилась от неясности, страдала, не спала ночами, ждала его письма, хотя бы крошечной весточки, в которой говорилось, что с ним все в порядке, это означало бы, что он думает о ней. Через некоторое время он стал писать. Стал писать часто и много. На протяжении года они обменивались письмами. И только летом он прибыл в Москву: наконец они объяснились. Никто не распространялся об их связи. Ирине подыскивали жениха, но она ждала только *его*. Однако Черников и не собирался делать ей предложение, уж слишком он был свободолюбивым. Жениться так скоро не входило в его планы, несмотря на те сильные чувства, что он испытывал к этому юному цветку. Он ощущал резкую необходимость в ней, ему нужно было ее понимание, ее присутствие в его жизни, он считал ее божеством, ангелом, созданием совершенно неземным. Следом миновал еще год, предложения так же не последовало, несмотря на нарастающее с каждым днем чувство. Она сбегала в его объятия, как только он прибывал в город, и каждый раз умоляюще глядела на него, как на того, в коих руках почитет ее судьба.

– Мое положение незавидно, однако! – Заявляла она, сидя в одном пеньюаре на краю кровати. – Я словно продажная девчонка, которая оказывает тебе услугу. Ты держишь меня как пса на поводке и не подпускаешь ближе.

– Что за глупости ты говоришь, родная? Я же только с тобой. Я ценю тебя выше других.

– Ха! Ты вообще ничего не ценишь в этой жизни. Ничего и никого. Ты только терзаешь меня бесконечно. Я ни на кого более не могу смотреть. Ни о чем-то думать, ни чем-то заниматься – везде только ты!

– Что ты прикажешь? – Процедил он, закурив.

– Отпусти меня. Отпусти, если я не способна сотворить твое счастье.

Он посмотрел на эту прелестную фигуру, словно высеченную из мрамора, на эти серые глаза, отливавшие то зеленью, то синевой, то вовсе золотом, на эти золотистые пышные локоны, на манящие розовые губы... Столько чувства выражал ее взгляд, ее поза, но он ничего не понял и проронил лишь:

– Ты чертовски красивая. Вот же злодейка! Как ты смеешь быть такой красивой? Я не хочу, чтобы чужой взгляд касался тебя.

Очень долго тянулись дни, полные неясности. Она прекращала писать ему, пыталась забиться в обществе других молодых людей, но ничего не помогало – он словно въелся в ее сознание, в ее душу. Однако настал момент, и Черников все же решился на серьезный шаг. Как? Как такой человек сумел перебороть себя? Он позвал Ирину на разговор под предлогом

того, что ему необходимо ее увидеть для своего душевного покоя, она нужна ему как друг в данную минуту, как утешитель, как родная душа, находившаяся всегда подле него. Они встретились в беседке, овейной кустарниками дикой розы, и он произнес важные слова. Она, разумеется, согласилась отныне принадлежать лишь ему.

С самого начала все было странно... И то, как он наспех сообщил близким о помолвке, и знакомство с семьей Астаховых, да и подготовка к свадьбе шла непомерно ускорено. Пара рассчитывала обвенчаться в августе, через месяц после помолвки. Но венчанию, как догадался читатель, не суждено было состояться: за несколько дней до ключевого события, жених сообщил невесте, что не может пойти на это. Страшно представить состояние брошенной женщины, которая совсем недавно стояла на пороге счастливой жизни, в которой она могла чувствовать себя любимой, защищенной и дарить свою любовь.

– Я слишком поздно это осознал... Я не создан для брака. Я причинил тебе боль, и это убивает меня. Но я не могу тебе врать. Не могу надеть оковы на твои тонкие ножки. Это выше моих сил. Может, я глупец, но это я. Я останусь глупцом, но честным перед тобой и Богом.

Везде сплошное «Я». А что можно требовать от человека, поистине любившего всегда только себя? Славно, что они не женились ни в первый, ни в последний раз. Выяснилось, что Михаил променял счастье с заботливой, интеллектуально развитой и бесконечно любящей его женщиной на легкомысленную связь с юной танцовщицей, которой мы даже не будем приписывать характеристики. Эта связь оказалась прочнее, и через месяц юная танцовщица уже перевезла свои бальные юбки в комнаты Черникова. Что происходило с Ириной, брошенной, униженной, раздавленной, при этом знавшей все подробности дальнейшей личной жизни сбежавшего жениха, не трудно представить. Она погрузилась в учения: много занималась различного профиля науками, читала без разбора, совершенствовала свои навыки в стихосложении, музыке и рисовании. Как ни странно, занятые самосовершенствованием будни залатали ее разбитое сердце. Она слышала новости о Михаиле, разносившиеся по Москве, к тому же он был хорошим знакомым ее брата, но эти новости более ее не трогали, они остались лишь отзвуком в ее глухом, опустошенном сердце. К слову, пришлось немало похлопотать, чтобы отмена свадьбы не приняла огласки. Тем не менее, сплетни подобны песку, просачивающемуся сквозь пальцы, и, конечно, многие знали о случившемся. Александр Астахов, глава семьи и человек влиятельный, слишком любил свою дочь, чтобы уличать ее в чем-либо. Он платил бешенные деньги за ее образование, не отказывал ей в роскошных апартаментах и нарядах, отправил с супругой на лечение горным воздухом в Швейцарию. Черникова он возненавидел всем сердцем и всеми возможными путями пытался уничтожить его. Он пользовался связями, средствами, пока однажды Ирина не прознала про это и не заявила к отцу с просьбой:

– Он не стоит того, чтобы думать о нем. Господь видит и знает все. Жизнь еще выпустит когти. Прошу, оставь его, это все нужно позабыть. Ради меня, ради моего спасения.

И все было забыто... До поры, до времени, разумеется. До той поры, пока Ирина одним осенним днем не получила от *него* письмо. Он любил появляться из ниоткуда и уходить в никуда, посему она не удивилась, но дрожь на мгновение объяла ее. По началу, Ирина не хотела отвечать на его послания, но Черников не отступал и стал делать это настойчивее. В последнем письме он написал:

«Если я ничем не могу искупить свою вину – скажи, чтобы я умер, и я умру. Я не хочу ничего от тебя, только прощения. Только слова о твоём благополучии. Я не буду тебя более тревожить, но скажи, что ты счастлива, молю, и я исчезну навеки.»

Как любим мы наступать на те же грабли! Как любим угождать в знакомые капканы, которые уже ловили нас неоднократно! Ирина сжалась над ним и написала. Написала дружеское, легкое послание о том, что у нее все в порядке, и что она сполна прощает ему все его прегре-

шения. Она и вправду за этот год с небольшим стала более хладнокровной, более расчетливой, она остыла. К нему она испытывала только жалость, а жалость, как известно, худшее, что может чувствовать человек по отношению к другому человеку. Они возобновили дружескую переписку, в которой делились и личными переживаниями, и бытовыми новостями, и даже любовными похождениями. Общение их было столь легкое и доверительное, что Ирина окончательно успокоилась. Однако мысли об их воссоединении, все же, рождались в ее сознании несмотря на то, что это было уже невозможно. Черников действительно ценил ее выше всех, доверял ей больше, чем кому-либо, только она могла найти нужные слова для его успокоения, только она понимала его настроение, его тревоги, его мысли. Разумеется, он не планировал ее отпускать, она была больше чем просто дорога ему.

Время тянулось, Ирина симпатизировала многим молодым людям, к Михаилу обращалась за советами и помощью, он поддерживал ее и постоянно повторял, *«что она достойна лучшего»*. Так продолжалось достаточно долго, но однажды кое-что, или проще сказать «все» изменилось. Все началось зимой текущего года. Их переписки стали более теплыми, более душевными, у обоих в сердцах закралось глубочайшее сомнение в невозможности возобновить все, что они не сумели сбересть. Он говорил ей о том, что его отношения с танцовщицей не ладятся, что он холодеет к ней, Ирина же в душе радовалась этому факту, хотя и советовала ему не рубить с плеча и подождать, когда все образуется. Весной им довелось встретиться. Он прибыл к Ирине тайно и излил все свои чувства. Ее сердце, как не сложно догадаться, не выдержало – в конце концов, лишь его одного она любила все эти долгие пять лет, и в тайне ждала его. Они говорили о самом важном, плакали, топили боль дней друг без друга в нежных объятиях. Михаил оставил «юную танцовщицу» и был готов жениться на Ирине. Он направился напрямик к ее отцу. Бог знает, как он уцелел, а еще более любопытно, как он убедил того в своей любви к его дочери и выудил разрешение на их помолвку. Он стал приходить чаще, и они с Астаховым часами сидели в кабинете за крепкими напитками, сигарами и серьезными разговорами. После недели уговоров, за которыми последовало сближение двух главных мужчин в жизни Ирины, обручение состоялось. Михаил купил невесте апартаменты в центре города, где она могла жить до помолвки; нанял прислугу, но горничную Ирина предпочла свою. Квартира была достаточно большой и более чем комфортабельной: две спальни, гостиная, две комнаты для прислуги, столовая, кухня. Черников говорил ей вновь о том, что она единственная нужна ему, о том, что только ее он всегда видел с собой и т. д. и т. п. Прелесть, не так ли? Хотелось бы мне написать, что они обвенчались, что любовь их прошла через все препятствия и никогда не угасла более, что жизнь их была безоблачна, словно амуры парили над ними и разгоняли тучи... Но, увы, так не бывает, и это к добру.

Со свадьбой пока не спешили, поэтому Черников удалился по своим делам в Петербург, а затем в родной город, а Ирину пригласили на отдых в Крым. Все время пребывания у моря Ирину что-то тревожило, словно груз лежал на сердце. Она гнала от себя все страшные мысли, но ей чудилось, что история повторится, и от этого она не могла спать ночами, ее бросало в жар, в озноб, она маялась и не могла ничего с этим сделать. Предполагалось, что пребывание у моря пойдет ей на пользу, приведет ее в порядок перед главным событием в ее жизни. Однако вернулась она более худой, поблекшей и нервной. Она теребила изящные пальцы после игры на фортепьяно в ожидании его, курила через тонкий мундштук. И как только задвижка шелкнула, сердце ее упало. Она подорвалась, было, схватилась за кремового цвета подол, но сразу же пришла в себя: выпрямилась, приняла гордую позу и вернулась к Бетховену. Войдя, он подошел к ней и поцеловал в макушку. Ирина встала и распорядилась насчет обеда.

Усевшись на пуф около дивана, где сидел Черников, она положила голову ему на колени, а он что-то рассказывал, глядя ее голову.

– Тебе стоит поехать к Катерине, – заключил он.

Она подняла голову и непонимающе взглянула на него.

– Я думала, что остаток лета мы проведем вместе.
– У меня срочные дела.
– Но ты только приехал...
– Я закончу и приеду к тебе. Обещаю, – он поцеловал ее руки, они отобедали, а затем распрощались.

На следующий день Ирина написала сестре и сообщила о скором своем прибытии. Ближе к полудню она выехала на дачу. Там она, безусловно, находила себе занятие, но чувствовала себя, как в ссылке, словно он отправил ее подальше с определенной целью. Писем от него не приходило, но однажды он все же написал... В этот самый знойный июльский день Катерина с Николаем и детьми ушли на прогулку и навестить хороших знакомых. Ирина связывала букеты лаванды, когда слуга принес письмо. Она невыносимо ждала вестей от любви всей своей жизни. Основная мысль, содержащаяся в письме, известна читателю.

Ирочка! Родная моя Ирочка! Драгоценная моя!

Как же ты мне дорога... Как же я хочу сгореть в аду за то, что сейчас сделаю! Мне невыносимо от той мысли, какую боль я причиняю тебе... вновь... Но я более не могу тебя обманывать, это выше моих сил. Я не могу так обращаться с тобой, с кем угодно, но не с тобой. Я люблю ее... Я все еще ее люблю... Я встретился с ней, она приехала в Москву. Ей нужна была помощь, и я ее оказал. Но все это неважно... Ты самое светлое, что было в моей жизни, но я не заслуживаю света. За формальности не переживай, я все улажу, ты можешь распоряжаться квартирой, как пожелаешь. Я больше не потревожу тебя, клянусь. Ты святое, а я демон, я не могу прикасаться к святыне. Мне следует исчезнуть, пока я снова не сломал твою жизнь.

*Навеки проклятый,
Черников*

Это письмо Ирина сжимала в руках после прочтения, его она сожгла в камине вместе со своими воспоминаниями. Не мудрено, что ее мучала невыносимая боль, сжигающая все внутри, словно миллионы кинжалов вонзились в ее тело, словно в нее выпустили тысячи пуль разом. Боль не отступала и ночью, все внутри горело – горело и желание жить.

Она очнулась и пришла в себя, когда за окном замелькала Москва. И вот, экипаж Ирины подъехал к подъезду ее самой близкой подруги, и ей на мгновение стало легче.

III

Татьяна вылетела в парадную навстречу любимой подруге. Это была привлекательная молодая девушка, одетая в темное, что контрастировало с ее белесой кожей; очаровательный ротик улыбался и ласково произносил слова утешения, а большие зеленые глаза были полны сочувствия. Тонкой фигуркой она прижимала подругу, словно пытаясь отгородить ее от всех бед.

– Будь он проклят! Чудовище! Он будет гореть в аду не единожды, помяни мое слово! – Она говорила громко, сопровождая свою речь активной жестикуляцией. – Ну же, проходи, милая, проходи! Твоя спальня готова, я обо всем позаботилась.

Они присели в гостиной, куда подали чай и десерты.

– Танечка, я так благодарна тебе... – Ирина взяла руку подруги и нежно потрясла ее.

– Что ты такое говоришь, бессовестная! Мой дом – это твой дом, ты же знаешь! Оставайся, сколько пожелаешь. Александра практически никогда нет, и я обычно ужасно загружаю себя хлопотами, но наконец-то мне будет отрадно! Потому что ты будешь со мной! Столько мы всего придумаем...

– Я не могу вернуться в ту проклятую квартиру. Там же все мои вещи, Господи...

– Мы отправим слугу, дорогая. Это пустяковина! Сущая пустяковина. Однако же эта квартира так тебе нравилась.

– Я бы сожгла ее, а заодно и свою память.

– Как же он посмел... – Татьяна не могла сдержать накопившуюся злость. – Все, что ты для него сделала, все, что ты ему простила не стоит того, чтобы сознаться, глядя тебе в глаза?

– Я знала, что так будет, Татачка.

– Но ничего же не предвещало беды, так?

– Так. За исключением того случая, когда он не женился на мне в прошлый раз. Я должна была это предвидеть. Он уже уничтожал меня. Это ритуал, – последовал нервный смешок; она сидела спокойно, говорила ровно, затем закурила. – Ничего? Меня, разумеется, не успокаивает курение, просто дым туманит голову, и я на несколько минут могу не думать о той яме, в которой нахожусь.

– Все! Нам совершенно точно нужно развлечение! Но для начала ты отдохнешь, примешь ванную, далее мы поедем обедать в какое-нибудь модное место. Не переживай насчет документов, формальностей, которые нужно будет уладить. Этим займется Александр Федорович. Он у меня любит подобную дурь... Так, вперед, вперед!

– Мне необходимо будет уведомить семью... Катерину я просила ни о чем не сообщать родителям. Поеду сегодня же. Нужно сделать все, что необходимо, чтобы стереть *ego*. Снова.

Было решено, как можно раньше уладить формальности. Поскольку супруг Татьяны был связан с юридической деятельностью, он непременно предложит свои услуги, чтобы решить проблемы, возникшие с квартирой и прочими нюансами.

После того как Ирина привела себя в порядок, подруги отправились на прогулку и отобедать. Заняв столик на веранде, они обсуждали что-то неважное, Татьяна пыталась отвлекать Ирину от мрачных дум, и тут ее осенило:

– Ира! Как же я могла забыть! В пятницу Пронские дают бал! Ты же знаешь, я люблю балы только за возможность разузнать последние новости. Однако же лучшего способа отвлечься – не придумаешь. Я уверена, *ego* там не будет. Еще никто не знает о случившемся. Конечно, тебя могут одолеть расспросами... Но, в конце концов, плевать на пустоголовых псевдоинтеллигентов.

– Даже не знаю, Тата... Я подумаю.

После обеда Ирина отправилась в родительский дом. Входила она в него с небывалой тяжестью на сердце. Лакей обратился к ней, как к хозяйке, она попросила доложить матери о ее прибытии. В гостиную вошла экономка и пригласила Ирину пройти в спальню матери. Та сидела на кушетке в домашнем халате с книгой. Ирина поцеловала мать и справилась о ее самочувствии.

– Катерина ничего не писала о случившемся, – ответила Анна Ивановна после рассказа дочери. – Даже от этого человека я не ожидала подобной низости. Хотя от него ее и стоило ожидать.

– Отец дома?

– Он уехал в Петербург по каким-то делам. Необходимо оповестить поверенного, чтобы тот уладил все проблемы, которые могут возникнуть в связи со сложившейся ситуацией.

– Да, нужно, – глухо ответила Ирина. – Ты слышала о предстоящем бале у Пронских?

Анна Ивановна метнула в сторону дочери непонимающий взгляд.

– Неужели ты собираешься его посетить?

– Тебя это удивляет?

– Да, если учитывать нынешние обстоятельства.

– Позволь, а что же столь особенного в нынешних обстоятельствах? – Язвительно передернула Ирина, подойдя к столу, на котором стоял кувшин с вином. – Эти обстоятельства перестали быть особенными после того раза, когда мою помолвку разорвали впервые, – она налила себе бокал и выпила разом все до капли.

– Ты не здорова, Ириша. Тебе нужен отдых. Тебе нужно свыкнуться с тем, что стряслось, – она подошла к дочери и положила руку ей на плечо. – К тому же, не сегодня-завтра общество узнает о случившемся и...

– И что? Ну? Все и так узнают об унижении, о позоре, в которые он меня вверг. Так чего же тянуть, матушка?

– Ирина...

– В общем, – она обняла мать. – Я просто зашла поздороваться и поделиться с тобой чудными новостями, – она иронически и пугающе улыбалась. – Я не сомневалась, что ты начнешь осуждать меня и предостерегать. Словом, я остановилась у Татьяны. В скором времени я решу вопрос с квартирой и сообщу вам итог всего.

– Милая, повторяю, тебе не здоровится. Зачем же оставаться у Татьяны, если здесь твой дом?

– Там мне будет лучше. Если ты соберешься посетить бал, не примени уведомить меня. И она удалилась с улыбкой на лице и болью в глазах оттого, что осталась непонятой.

* * *

Вернувшись в дом Татьяны, она застала ее супруга, Александра, который вернулся со службы. Они ждали Ирину к ужину.

– Наконец-то! Все прошло удачно? – В нетерпении обратилась к ней Татьяна.

– Да, более чем.

Александр встал, чтобы поздороваться с Ириной. Это был высокий светловолосый мужчина с уверенным взглядом и сдержанными манерами.

Когда они сели ужинать он обратился к Ирине:

– Будь спокойна, мы уладим все, что необходимо уладить. Если ты желаешь сдать эту квартиру, нужно будет поставить несколько подписей. Также ты сможешь обменять ее на новые апартаменты. Как пожелаешь. Насчет сплетен стоит переживать в последнюю очередь.

– Благодарю, Саша, мне не хотелось бы тебя обременять...

– Брось глупить. Как ты могла подумать, что мы оставим тебя в такой ситуации без поддержки?

Ирина была тронута.

– Я решила пойти на бал, – внезапно заявила она.

– О, неужели! Чудесно, моя дорогая!

– И распорядилась насчет вещей. Часть привезут завтра же.

Далее они обсуждали планы на грядущее время и делились новостями.

– Господи, я же чуть не забыла! Завтра приезжает Сергей! – Татьяна словила негодующий взгляд Ирины и принялась объяснять. – Мой брат приезжает из Петербурга. Помнишь, я рассказывала? Он служит на морском флоте.

– А, как же... – Безразлично ответила Ирина.

– Как чудесно, что вы наконец познакомитесь! Я рассказывала ему о тебе.

– Вот как...

– Именно так! Он потрясающий молодой человек! Лучший из всех, кого я знаю. Не обижайся, Санечка, но не будь он моим родственником, я непременно вышла бы за него. Не задумываясь!

– Ну, разумеется, – саркастично ответил Александр.

Вечером подружки еще долго беседовали о предстоящем событии. Татьяна убеждала Ирину, что той нечего бояться, и что Михаила точно нет в Москве. Подробности женского разговора мы опустим, дабы не утомлять читателя. В этом разговоре Ирина делилась своими чувствами, говорила об опустошенности и смерти души. О чем еще может говорить женщина, чье сердце в очередной раз растоптали? Причем растоптал один тот же человек? Она ничего не чувствовала, в сущности, лишь звенящую пустоту, которая колкими ударами разносилась по ее телу и сознанию. Будет ли она когда-нибудь счастлива? Сможет ли полюбить? Эти вопросы оставались для нее без ответа, ведь сейчас сама мысль о любви приносила ей нескончаемую боль, которая лишала всех чувств, убивала все мечты и надежды, лишала возможности дышать так, как дышалось раньше.

IV

Просторная зала, наполненная светом и вальсирующими парами, все более сужалась от наплыва гостей. Столики с угощениями были придвинуты чуть ли не вплотную к портьерам рубинового цвета, лакеи передвигались подобно прытким муравьям, удерживая при этом огромные подносы с канапе и бокалами шампанского. Вторая зала, менее просторная, предназначенная для отдыха и фуршета, была занята несколькими пожилыми дамами, их компаньонками и еще парой-тройкой людей. Хозяйка принимала гостей в передней, которая была выдержана в классическом стиле, ничего не выбивалось из общей картины: античные статуи средних размеров, медные канделябры, позолоченные люстры, портреты на стенах, выкрашенных в холодный голубой оттенок.

Татьяна и Ирина уже прибыли на бал около часа назад. Они не особо охотно с кем-либо говорили. Однако откуда ни возьмись нарисовался давний знакомый Татьяны, которому непременно понадобилось ее общество.

– Ох, поверь, дорогая, лучше поговорить с ним, чем весь вечер отгонять его от нас, – отпрашивалась она у подруги, не желая оставлять ее одну.

– Да, разумеется. Может, я сделаю открытие, но ты смело можешь общаться с кем-либо помимо меня, – съязвила Ирина.

– А я не желаю! Я вернусь очень скоро! – Сказала она тихо, целуя подругу в щеку. – Развлекайся!

Ирина взяла бокал шампанского и, обернувшись, увидела свое отражение в высоком зеркале с резьбой, вмещенном в стену. Статная, изящная, бледная, но оттого еще более прекрасная; и без того тонкая талия под корсетом казалась тоньше некуда, атласные слои юбки черного платья походили на лепестки розы, бриллианты украшали ее очаровательную шею, высоко уложенные кудри делали лицо более худым, а на нем словно очерченные скульптором скулы, сомкнутые губы, глаза, полные горечи. Она еще раз окинула себя взглядом, приняла самый горделивый вид, и двинулась по направлению к лицу, которое ей было приятно видеть, попутно отвешивая реверансы и даря улыбки и приветствия знакомым.

– Оля! – Обратилась она к светловолосой миниатюрной девушке в розовом платье, которая больше походила на фарфоровую куколку, чем на живую девушку.

– Ира! – Ее большие глаза оживились.

Они долго обнимались, обменивались бессвязными комплиментами и радостными восклицаниями.

– Я слышала новости, – вдруг произнесла Ольга, еле слышно.

– Все в порядке. Оля, прошу, не смотри на меня как на побитую собаку, пол залы смотрит на меня так.

– Они еще не загрызли тебя? – Оглядела она окружающую их публику.

– Чтобы загрызть меня нужны клыки поострее, – шепотом произнесла она, и подмигнув, взяла еще один бокал, а затем удалилась.

Внезапно она увидела знакомую фигуру. Это была беременная супруга ее брата.

– Маша! Здравствуй.

Та явно смутилась, показательно поцеловала золотку и справилась о новостях.

– Не уж то ты не знаешь подробностей? – Разгоряченная шампанским, отвечала Ирина. – Мне казалось, тебе все известно.

– Я не вникала в подробности, – с равнодушием, картавя при этом, ответила невестка.

К слову, впечатление она создавала неприятное. Ирина никогда ее не любила, но терпела ради брата и пыталась оставаться с ней любезной, несмотря на постоянное желание указать ей на отсутствие в ней и грамма интеллекта.

– Мне так жаль, Ирина, – она взяла золочку за локоть, та с презрением глянула. – Тебе через многое пришлось пройти... Нужно оставаться сильной.

Ирина улыбалась и кивала.

– Тебе стоит отнестись к этому серьезно. – Марию явно обидела такая реакция.

– Андрей в городе?

– Он уехал... Ира, он поехал говорить с ним. Он узнал об этом раньше, чем письмо дошло до тебя. Михаил ему сообщил.

– О! Ха-ха! Отлично. Значит, вы оба знали о его решении?

– Было бы неправильно, если бы мы вмешались, – она боялась смотреть в огненные глаза Ирины.

– Ты, конечно, не могла не знать. Вы же с ней подруги... И что ж она? Надеется на что-то?

– Он собирается жениться на ней, – произнесла она твердо.

Еще одна пуля. Нет, десять. Полсотни. Сотня. Внутри словно что-то лопнула, но Ирина лишь улыбалась. Она была до невозможности красива и уверена в себе в эту секунду.

– Как чудесно! Передавайте мои поздравления! – Она демонстративно подняла бокал. – Здоровье молодых! – Осушила его.

– Андрей пытался... Он поехал, чтобы образумить его, чтобы повлиять. Он даже хотел стреляться...

Ирина рассмеялась.

– О, Господь милостивый, помилуй его душу! Ну кого же он пытается насмешить?

– Он отстаивал твою честь! – Мария явно была оскорблена неуважением к мужу.

– Смею напомнить: моя честь покоится мирно в могиле, вырытой вам подобным, – она стала говорить тише. – Стреляться... – Она ухмылялась. – Да у него кишка тонка! Поди рас-трубил по всем окрестностям, по всей Москве, чтоб знали, какой он герой, поехал убить того, кто опозорил его семью! Слава герою! – Она снова подняла бокал, который взяла с подноса. – Только вот стоит вспомнить, что Михаил – его покровитель и старинный друг, что он сделал его карьеру, что все заслуги Андрея – заслуги Михаила. Он скорее пустит пулю мне в лоб, чем упрекнет того в чем-то. Ему никогда не хватило бы смелости – я стою меньше, чем место в обществе. Вся эта напуксная любовь хуже ваших умалчиваний.

Она словила взгляд, полный жалости.

– Мне жаль, – вымолвила Мария.

– Вы оба не отличаетесь честностью. Однако спасибо за попытки, – она было собралась уйти, но словно что-то вспомнив, обернулась. – Ах да, скажите той леди, чтобы не готовила свадебного наряда, он никогда не будет чей-то. Никогда.

Она ощущала на себе взгляды, но даже не думала сдаваться им. Это было бы слишком просто. К тому же, она никогда не опускалась до удовлетворения чьих-то намерений в отношении себя. Допустить, чтобы эти ничтожества выиграли? Ни за что.

В какой-то момент возле нее оказался ее хозяин вечера, который умолял подарить ему танец. Она широко улыбнулась и приняла предложение. В это время в зале стало на одного гостя больше. В комнату, в которой полагалось общаться за яствами вошел молодой человек, и все взгляды моментально впились в него. Горделивой, но при этом небрежной походкой он прошагал по направлению к общему столу. Высокий, с военной выправкой, с некоторой задумчивостью во взгляде, в котором не было и малейшего намека на сомнение. Была такая уверенность и естественность в его движениях, которая обычно не присуща молодым людям его возраста (на вид ему было не больше двадцати двух). Китель сидел на нем, как влитой, словно сшит на его теле. Он поприветствовал присутствующих, и его голос, такой ровный и бархатистый, разнесся по зале. Большой, мужественной кистью он потянулся за бокалом и быстрыми глотками осушил его. Дама, сидевшая рядом с ним, не упустила возможности разглядеть обаятельного юнкера. Смугловатая кожа, выразительные черты лица: немного вздернутый нос,

пухлые губы, которые он так очаровательно поджимал всякий раз, когда заканчивал говорить, и совершенно одурманивающая улыбка. Он повернулся к этой даме, чтобы предложить шампанского, и она сумела заглянуть в его умные, искрящиеся зеленью глаза. В секунду, когда она захотела заговорить с привлекательным военным, к тому подбежала другая дама и принялась восторженно его приветствовать и покрывать лицо поцелуями, затем схватила его за руку и увела в залу, где кружились танцующие пары.

Как только оркестр отчеканил последнюю ноту, и Ирина распрощалась со своим партнером, ее в мгновение ока привлекла к себе Татьяна. Рядом с ней стоял привлекательный военный.

– Ирина! Я обещала представить тебе своего прекрасного брата! Он, хитрец, даже не оповестил меня о том, что пребудет так рано! – Она ткнула его локтем. – Просто взял и заявился! Ходячий сюрприз! Словом, Ирина, это Сергей, служащий на морском флоте и являющийся лучшим из представителей сильного пола. Сережа, моя дражайшая подруга Ирина! Будь с ней любезнее, чем с кем-либо! – Она погрозила ему пальцем.

Ирина подняла глаза на молодого человека, который не сводил с нее взгляда еще с того момента, как увидел ее танцующей. По началу она возмущилась такой наглости: какой-то юнец вперил в нее взгляд, не считаясь с правилами приличия.

– Мне безгранично приятно, – он поклонился.

Ирина сделала то же в ответ.

– Так, кажется, приехала баронесса Павлецкая... Милые мои, позвольте оставить вас, мне нужно кое-о-чем выведать у этой дурнушки. Ирочка, поверяю тебя в руки этого бриллианта! А ты, – обратилась она к брату, – помни, что имеешь дело с дамой королевской крови. – Подруги усмехнулись, но не Сергей, губы которого дрогнули в улыбке, а глаза принялись более тщательно изучать лицо его визави.

Татьяна удалилась, пара осталась наедине.

– Вам не кажется, что душно? Может, шампанского? – Предложила Ирина, разгоряченная танцем.

Сергей без слов остановил слугу и взял два бокала.

– За приятное знакомство, – приглушенным и загадочным голосом произнес он.

– Как вам местное общество? Потрясающая обстановка, так? Вы же прибыли из Петербурга, там все совершенно иначе... Я не люблю его, всей душой не люблю. Однако же ирония в том, что в Москве собирается весь сброд, вся элита! – Она сделала глоток. – Вы, как я поняла, в отлучке ненадолго, стоит насладиться всеми прелестями этого беспечного города. Так что же вы молчите? Вам куда приятнее поговорить со сверстницами, так?

Он с минуту помолчал, облизал губы, таинственно улыбнулся и ответил.

– Единственное общество, которое мне приятно на данный момент – это ваше. Я не люблю ни Москвы, ни Петербурга. Я ни к чему не привязываюсь, я человек служащий.

– Так вы, стало быть, служите на флоте? – словно вспомнила она.

– Так вы, стало быть, самая красивая женщина в Москве?

Она удивленно взглянула. Что-то в нем явно привлекало ее: то ли его уверенность, то ли его проникающий до самых глубин души взгляд – сейчас ей было не понять, что именно пьянит ее за исключением шампанского.

– Можете не отвечать, – продолжил он, – я это и так вижу.

– Что ж, благодарю вас.

– За правду?

– За комплимент. Причем, совершенно неуместный, но мне все равно.

Он поднял брови.

– Да? То есть вам не приятно?

– Я этого не сказала.

- Но вам все равно?
- Это не одно и то же.
- Но вам же не все равно.

Она возмущенно взглянула в его глаза, которые не меняли своей цели и были поглощены только ей.

– Хорошо. Прошу простить. Возможно, я говорю что-то не то. – Улыбнулся он, да так очаровательно, что она не могла дольше злиться на него. – Татьяна много рассказывала про вас.

– Страшно представить, что... – Сергей усмехнулся ее ответу.

– То, что вы самый замечательный человек во Вселенной, что вы невероятно умны, до безумия красивы, талантливы, остроумны, то, что в вас гармонично сочетаются своенравие и чуткая душа. Это всегда прельщает.

– Хм. Оказывается, вот что прельщает.

– Не всякий обладает подобными качествами, а потому они еще более ценные.

Она, прищурившись, глянула на него. Задумчивый взгляд, вкрадывающийся, въедающийся в самую душу. Казалось, дыхание его учащалось по мере того, как расширялись зрачки его серо-зеленых глаз. Они стояли вместе достаточно долго, пока их не вытеснили напирющие танцующие.

– Не окажете честь? – Он предложил ей руку.

Она молча опустила свою тонкую кисть на его большую и крепкую ладонь.

Какой-то волшебный эфир объял эту пару. Слово ничто и никто не существовал в эту минуту. Они о чем-то смеялись, но из-за волнения больше говорила Ирина, а он, по своему обычаю, был сдержан и молчалив, хотя чаще не мог удержать эмоций, которые вызывала эта потрясающая женщина.

Домой они возвращались вместе – Сергей остановился у сестры. Татьяна, к слову, была безгранично счастлива, когда узнала о том, что два ближайших ей человека поладили. Ирина не преминула разведать кое-какие детали о молодом человеке, сумевшем сделать ее вечер. Татьяна расхваливала брата, ибо уважала его всецело и восхищалась им. Служба давалась ему не так легко по началу, но он выстоял перед всеми трудностями и сделался куда более сильным. В своем кругу он был уважаем, никогда не был предметом насмешек, славился своим благородством, искрометным умом и выдержкой. Увлекался книгами, как бешенный, был любознательным и, если уж брался за что-то, непременно доводил это до завершения. Он был достаточно замкнутым, мало кто знал его настоящего. Однако же все знали, что человек он порядочный и отзывчивый, хоть и немного холоден к окружающим. Об отношениях с юными особами Татьяне было известно весьма и весьма мало, хоть она и обмолвилась об одной, с которой Сергей должен встретиться на неделе.

Может, вот он, способ отвлечься? Молодой, красивый, интересный юнкер, обладающий обаянием и наверняка заинтересовавшийся Ириной... Отвлечение, кокетство... Хуже своей репутации она уже не сделает. К тому же, рано или поздно он уедет, и никто не будет никому обязан. Прекрасный вариант. Вариант собственной гибели.

V

Они проводили дни напролет вместе. Ирине становилось легче несмотря на то, что все случившееся с ней стало теперь куда более известным поводом для пересудов. Ей было все равно. Она ждала разговора с отцом, который прислал ей короткое письмо о том, что он сожалеет о случившемся и пытается примириться со сложившимися обстоятельствами. Однако в то же время ей чудилось все столь незначительным и поблекшим на фоне того, что происходило с ней в настоящем.

Сергей был младше ее, но она чувствовала это только по тому, насколько искренен и чист был его взгляд, настолько молодо и свежо его лицо, насколько крепка его фигура. Ей было с ним приятно. Конечно же, она играла: она часто кокетничала с ним и проверяла его реакцию, часто говорила ему милые вещи или играла пуговицами на его кителе. Может, по началу она и принимала от него комплименты, подарки, чувственные выстрелы взгляда, но ближе все же не подпускала. Как-то за обедом она выпалила:

– Да Сережа не вернется более на службу, Таточка. Придется вам сообщить его родным. Он бесповоротно влюблен. А поскольку в Петербург я ни ногой, ему придется остаться здесь.

Последовали смешки, Сергей улыбнулся, обратился пронзительным взглядом к Ирине и ответил:

– Вы как всегда правы, дорогая Ирина Александровна.

Они много шутили, прогуливались, беспрерывно говорили о чем-то. Казалось, что мир останавливался в моменты, когда они были вдвоем, а время тянулось адски медленно в минуты их разлуки. Ему, молодому человеку с горячим сердцем, полным доброты и открытого для великой любви, было несложно воспылать чувствам к такой женщине. Она казалась ему воплощением мечты. Ангельской мечты. Божественной красоты, незаурядного ума, с отличающимся от прочих мировосприятием, во многом схожим с его. Она была смешной, дерзкой, но оставалась сдержанной и держала его на определенной дистанции, она умела его увлечь, заинтересовать, умела задержать его внимание на себе, ее хотелось слышать и видеть бесконечно долго; это он особо ценил. Еще не раз он будет спрашивать себя: «Как в одной хрупкой женщине могло вместиться столько достоинств?»

На протяжении нескольких недель они разделяли компанию друг друга, и несмотря на частое присутствие кого бы то ни было рядом с ними, они все же держались рядом. Она всматривалась в его лицо и понимала, что знает его всю жизнь, а он любовался ей, когда она сидела за книгой или рисованием, и Ирина постоянно ловила эту улыбку, полную умиротворения и удовлетворения. Странно было осознавать тот факт, что возможно стать столь близкими за столь считанные дни. Но они не чувствовали неловкости между друг другом, пусть и придерживались рамок.

– Вы, верно, кудесник или колдун, Сергей Александрович... – Как-то обратилась она к нему, когда тот писал послание домой.

Он улыбнулся, как улыбался только ей, наигранно поднял брови и ответил:

– Вот как... Позвольте узнать, отчего?

– Зачаровали вы меня! – Игриво ответила Ирина. – Редко кому удается впечатлить меня или заинтересовать надолго. А чтобы впустить кого-то в свой мир... Что вы, что вы...

Он отложил перо.

– Значит, вы раскусили меня, Ирина Александровна. Я ни на секунду не сомневался в вашей проницательности!

– Какой льстец! – Пощурилась она в его сторону. – Не смейтесь надо мной! Я все же женщина серьезная.

Последовал смешок. Она по-детски надула губы и ахнула.

– Ну вот! Не смейтесь! Теперь вы будете считать меня глупой или инфантильной. Мне не в пору фамильярничать с столь юным и очаровательным юнкером.

– Господь, я верую в то, что когда-нибудь эта леди перестанет указывать мне на мою незрелость...

– Я не говорила ничего подобного!

– Но вы думаете об этом, и это невольно всплывает в вашей речи. И вообще, какие фамильярности? Вы – это вы. И мне это нравится. Вы перестали притворяться.

– Притворяться? – Удивилась она.

– Делать вид холодной и жестокой дамы. Я не смею вспоминать того, что случилось с вами... Но позвольте заметить, что я восхищен вами, вашим сердцем. Вам удалось сохранить себя.

– Поверьте, я никогда не стану прежней.

– И я так же...

– Но, думаю, будучи той, прежней, я вас мало бы заинтересовала. Я была помешана и скрытна.

– Я так не думаю, – он тепло улыбнулся. – Вы не могли быть хуже или лучше. И если вам интересно... – Он иронизировал. – Я не считаю вас глупой, это самое большое противоречие во Вселенной. Вы – умнейшая женщина из всех, кого мне доводилось встречать. Мне больно слышать подобные вещи от вас. Не смейте судить о себе дурно, к тому же, это ложь. Люди могут думать о вас что угодно, но вы не должны даже мыслить нелестное в свой адрес. Что до меня, я считаю вас лучшей женщиной из ныне живущих. И этого мало, чтобы описать вас. Нет такого слова, которое бы вобрало все, что вас характеризует.

Она была приятно фраппирована подобными комментариями, а он спокойно принялся дописывать письмо. После этого момента она взглянула на него иными глазами. Он часто говорил ей о ее достоинствах, но никогда не обобщая.

После того как Ирина перебралась в новую квартиру на Мойке, отличающейся от прочей меньшим размером, но ббольшим уютом, она стала приглашать Сергея к себе. Никаких пошлостей, только разговоры. Они без конца беседовали, захлеб рассказывали истории, которые и смешили, и печалили. Ей было интересно слушать о его службе, а он был поглощен абсолютно любым ее рассказом. Зачарованный, он впитывал каждое слово, словно это было смыслом его существования, его спасением. А ей нравилось то, что он умеет слушать, поскольку Ирина любила говорить и говорить не в пустоту. Далее они выходили на прогулку, ужинали в уединенном месте, он провожал ее, а затем и ее силуэт взглядом. Бродя по ночным улицам, он представлял ее образ, ловил нотки ее запаха, вспоминал прикосновения ее нежных рук. Он пытался выбросить эти грезы, включить холодный рассудок и осознать, что она никогда не будет принадлежать ему. И далее мысли о том, что она будет принадлежать кому-то другому... Помутнение. Злость. Трактир недалеко от временного расположения его полка, где он встречает своих товарищей и уплывает в мир дурмана.

Всему рано или поздно приходит конец, таков закон жизни – все терпит тление. Настал момент, когда Сергей был обязан вернуться в Петербург на службу. После ужина у Татьяны, на котором двое испытывали определенное напряжение, Сергей решил объясниться. Он предложил прогуляться в саду, что Ирина приняла с удовольствием.

Несколько минут они шли молча, после чего присели в небольшой беседке, обвеянной прутьями отцветающей чайной розы.

– Как странно... – Внезапно начала Ирина. – Такая теплая августовская ночь. И именно в этот час нам приходится прощаться.

Ей так же как и ему было горько, последние две ночи сон не залетал в ее окна, зато тревожные мысли стали постоянными ее гостями.

Он закусил губу и через мгновение ответил:

– Я этого не хочу.

Она не поворачивалась в его сторону, в то время как он не сводил с нее умоляющего взгляда.

– А чего же вы хотите?

– Остаться с вами.

– Зачем?

– Затем, чтобы оберегать вас от бед и несчастий, затем, чтобы заботиться о вас, нести за вас ответственность, чтобы видеть вас, слышать, ощущать, чтобы быть там, где вы, быть рядом. – Он помолчал. – Чтобы любить вас еще сильнее, чем я люблю сейчас.

Она повернула голову, и Сергей увидел печать тоски на этом прекрасном, но изнеможенном лице.

– Любите? – Спросила она шепотом.

– Люблю. – Ответил он твердо. – Больше всего на свете.

– Значит, вам стоит поскорее искоренить эту вредную привычку.

Он усмехнулся.

– Я не сумею, даже если захочу.

– Что ж, у вас нет выбора. – Она встала, он встал за ней.

– Это из-за *него*? – В его глазах блеснула ярость.

– Что? Из-за него? Нет, боже, нет... – она говорила быстро, словно оправдываясь.

– Я вас не стою.

Сергей был серьезен, как никогда, теперь его взгляд блуждал по сторонам.

– Он здесь не при чем. И мне не верится, что это так... Ведь буквально месяц назад он был всем...

– Я готов разорвать его голыми руками за то, что он с *тобой* сделал.

– Оставьте, это того не стоит... Это тяжело...

– Что?

Он посмотрел ей в глаза, и глаза его были полны такой нежности и такой мольбы, что ее собственные не могли не наполниться искристыми слезами. Заметив это, Ирина опустила взгляд.

– Любовь калечит. Я это проходила. Романтика, разные города, привязанность, от которой разрывает все внутренности... Это больно постоянно. Даже моменты счастья приносят адскую боль. Потому что ты знаешь, что они конечны. Я поняла, что меня нельзя любить, меня можно только убивать, а любить никак нельзя, верно, не заслуживаю...

– Вы заслуживаете самого великого счастья, самой безумной любви. Даже не смейте думать обратное. Вы видели себя? Вы хотя бы на секунду представляете, насколько вы необыкновенная? – Он казался оскорбленным. – Нет... Таких, как вы, просто нет. И мне плевать, что прошло так мало времени, я уже готов всю жизнь носить вас на руках. Я люблю вас.

– Вы не понимаете того, о чем говорите...

Он усмехнулся.

– Молодой, не соображающий, не понимающий того, о чем говорит, не способный ничего предложить...

– Вы замечательный! Лучший из всех, кого я встречала, искренне. Не говорите так, словно я смеюсь над вами или указываю на то, чего, в сущности, нет. Я знаю, какой вы. И от этого мне еще страшнее... Потому что я знаю, что полюблю вас всем сердцем, а потом мы оба будем страдать.

– Да почему вы так думаете?

– Я это знаю. Так всегда бывает. Любовь беспощадна.

– Это лишь одна сторона медали.

– Увы, нет.

Сергей делал шаги по беседке, опираясь на стены и нервно потирая подбородок.

– Я вас услышал. Услышите и вы меня. Я знаю, то, на что мы идем – опасно. Но поверьте, я не пустышка. Я смогу дать вам все. Со временем, конечно, но я сделаю все, чтобы вы ни в чем не нуждались, чтобы вы были счастливы до конца своих дней, чтобы улыбка не сходила с вашего лица. Такая женщина должна быть обласкана, бесконечно любима, должна купаться в роскоши. Я сделаю все, клянусь. И если в вашем сердце возникло ответное чувство, а я знаю, что оно родилось, то позвольте мне сделать ваше счастье. Если же нет... Что ж, я исчезну и более не стану искушать судьбу. Но от вас я не откажусь, вы всегда будете со мной. – Он подвел руку Ирины к своему сердцу, она вздрогнула.

– Мы много говорили с вами, помнится... – Он кивнул. – Вы знаете, как тяжело мне довериться кому-либо, вы знаете, через что мне довелось пройти. Я стала иной. Стала ведьмой. Нужно ли вам это? Я адски сложная, а вы ангел... Я испорчу вам жизнь.

Ладонь Ирины легла на щеку своего визави. На этот раз вздрогнул он.

– Нужно... – был ответ шепотом.

– Вы не оставите меня? – Так же шепотом сквозь слезы спросила она.

– Ни за что. – Решительно ответил Сергей и жадно впился в ее губы. С этой минуты они были повенчаны, с этой минуты их души соединили незримые и неразрывные нити.

VI

Через три дня Татьяна и Ирина пришли к корпусу, где разместили полк Сергея. Военные выходили и садились в нанятые экипажи, которые должны были отвезти их на вокзал. Наконец появился и Сергей. Он улыбался ласковой улыбкой, которая вселяла спокойствие. Они пытались поговорить, но беседа не слишком клеилась. Брат с сестрой шутили, а Ирина выдавливала из себя подобие улыбки. За вуалью Сергей разглядел беспокойный, усталый взгляд, словно кричащий ему «не уезжай», он смотрел на нее с бесконечной теплотой, пытаясь так ее успокоить.

Пришло время прощаться. Татьяна расцеловала брата, чем-то его позабавила, и понимающе уступила место подруге. Подойдя, Ирина долго не могла на него смотреть. Он заглядывал ей в лицо и пытался ее развеселить, покуда она не набралась сил и не взглянула ему в глаза.

– Что ты все шутишь, это неприемлемо... – Она нахмурилась, затем пальцами в кружевных перчатках дотронулась до глаз.

– Вы взгляните на эту чинную строгость! – Сергей продолжал острить. – Отставить шутить, товарищ командир?

– Лучше не бросай меня и можешь шутить, сколько угодно.

Он улыбнулся.

– Подниму вуалетку.

– Что, прости?

– Я хочу видеть твои глаза.

Она подчинилась.

– Хочу запомнить твоё лицо, – он тщательно изучал её губы, её серые глаза и даже очаровательные родинки на правой щеке и кончике носа.

– Ты так говоришь, словно мы больше не увидимся.

– Увидимся. И очень скоро.

– Обещаешь?

– Обещаю, – он как можно незаметней взял её руку.

Она глубоко вздохнула и закрыла глаза.

– Ты записал мой адрес?

– Разбуди меня среди ночи, и я его назову.

– Напиши мне по приезде, пожалуйста.

– Разумеется, – он жадно смотрел на неё и улыбался.

– Я очень... – Как она ни пыталась, голос её дрожал. – Очень благодарна за это время... Я многое поняла и многое отпустила благодаря тебе. Теперь мне неважно, что скажут люди. Я сама к тебе приеду!

Сергей по-доброму рассмеялся.

– Юная революционерка, – он приблизился к ней, и у самого уха прошептал – Я люблю тебя, как никогда никого прежде, и никого никогда в будущем.

Его губы скользнули по его щеке.

– Это мне стоит благодарить небо за то, что оно привело меня к тебе.

Ирина сжала его руку.

– Тебе пора.

– Жди моего письма.

– Я буду ждать, – она накинула вуаль, улыбнулась ему и быстрым шагом двинулась к Татьяне.

По пути домой они молчали. Татьяна, конечно, хотела выведать все подробности у Ирины, но посчитала правильным дать ей немного времени, так как она видела отблеск тоски в связи с отбытием Сергея, а следовательно, чувства по отношению к нему.

Ирина захотела прогуляться и попросила высадить ее недалеко от ее дома.

– Все в порядке? – Взяв за руку подругу, осведомилась Татьяна.

– Лучше, чем когда-либо, – с улыбкой ответила та.

Она поцеловала подругу, поблагодарила ее за поддержку и обещалась написать и приехать на выходных.

Погода стояла теплая, но, как бывает это в начале московской осени, появился ветер, ласкающий уже не бархатистыми, знойными объятиями, но прохладой. Ирина неспешно шла по тротуарам, не глядя на прохожих, а глядя исключительно в себя. Что она чувствовала? Это было необъяснимо. За какой-то месяц... Любила ли она Михаила, если так скоро смогла проникнуться чувствами к другому? Теперь уже она не была уверена ни в чем. Боль все еще словно лезвием водила по ее сердцу, но то тепло и тот свет, что привнес в ее жизнь Сергей, постепенно сглаживали углы, проникали своими лучами в самое нутро, исцеляя душу. Ей не хотелось думать о будущем, ей невыносимо хотелось просто его присутствия, его слов, его взгляда. Она ощущала тревогу за то, что, возможно, проявила слабость, начала открываться и доверять. А вдруг он просто воспользовался ей и больше никогда не напишет, больше никогда не предстанет ее глазам? Но в момент эти предположения и страхи улетучивались, как только она представляла его чистое, доброе лицо и его дурманящее *«люблю»*. Верила ли она его словам? Сказать было сложно. Ей хотелось верить и одновременно не хотелось, по примеру прошлого испытания... Все начинается с этого самого *«люблю»*, а дальше... Что же следует дальше? У Ирины после этого слова следовала утрата, раз за разом. Страхи ее были вполне объяснимы. Сможет ли она снова добровольно нырнуть в этот омут? Сердце подсказывало, что ей нужно попробовать, но разум... Разум вторил совсем иное. Как бы то ни было, она осознавала, что этот человек особенный в ее жизни, и что он сыграет в ее судьбе значимую роль. Не зря небеса свели их, они не могла сделать это бесцельно. Сергей был чем-то совершенно непохожим на то, что ей встречалось до, и несмотря на краткость их знакомства, она знала, что он с ней искренен, он расположен к ней со всей серьезностью. Пусть все шло так быстро, но она уже чувствовала родное. Пусть ее терзали сомнения, она знала наверняка, что он сумел вытащить ее, тонущую, из ледяного океана и согреть на борту своего корабля. Она знала, что если судьба вновь сведет их, если его слова правдивы, она не упустит своего счастья.

Ирина не заметила, как дошла до дома, было время обеда. Поднявшись, она сделала распоряжение насчет кофе, есть ей совершенно не хотелось. Она переоделась, закурила, прочла письма, что принесли накануне. Писал отец, с просьбой приехать, писала сестра и звала на ужин к родителям, писали какие-то знакомые и нотариус. Она отбросила их, решив ответить после, и через плечо окинула взглядом улицу. Перед ее глазами встала картина, как однажды вечером они с Сергеем шли к ее дому, вдоль отцветавших яблонь и засыпающих усадеб, смеялись и срывали зрелые ягоды вишни с веток тонкого вишневого дерева. Она грустно улыбнулась этим невинным воспоминаниям.

На следующий день Ирина поехала на ужин к родителям. Большую часть времени она рассматривала букеты герани, которыми украшали десертные столики. Ужин был на шесть персон. Помимо Катерины с супругом, прибыла бабушка по материнской линии, Антонина Арнольдовна, женщина мудрая и проницательная, член семьи, который был наиболее близок Ирине.

– Ты что понуряя, душа моя? – Спросила она у внучки так, чтобы слышала только она.

Та помотала головой и улыбнулась.

– Немного устала, – коротко ответила Ирина.

Но Антонина Арнольдовна знала свою девочку и, разумеется, не поверила ее односложному ответу.

Про отмену помолвки не было сказано ни слова. Обсуждались светские новости, новости политики, планы на ближайший Новый Год, и еще бог весть что, чего Ирине не хотелось комментировать. Единственного, чего она ждала, это завершения этого вечера. Она прекрасно знала, что родные уже поставили на ней крест, но она не собиралась строить из себя жертву, она была не из тех женщин, что считают себя полноценным лишь тогда, когда выйдут замуж. Для нее это не было достижением. Быть образованной и достойной леди, быть человеком честным и несущим честь – вот, что стоит почитать. Она поделилась своими наработками с близкими, дабы разбавить обстановку. Время от времени она писала небольшие повестушки или рассказы, что по началу не одобрялось, но учтя упрямый нрав дочери, отец даже помог ей кое-что напечатать.

– Это будет повесть о военных, и о том, какие они терпят лишения.

– Военные? – Удивилась мать. – Милая, но что же тебе известно о их жизни?

– У меня достаточно источников. К тому же, сегодня эта тема актуальна.

– Может, все же, остановимся на женской прозе? – Не глядя, отрезал глава семьи.

Ирина ухмыльнулась.

– Я предпочитаю работать в том русле, в котором мне хочется. Стоит ли мне приносить за это извинения?

– Остуди свой пыл. Ты знаешь мое отношение к этому всему... Но коли тебя это успокаивает и занимает – твори, пожалуйста. Не суйся только в дебри.

– Разумеется, не буду. Я же всего лишь женщина, а мы слишком глупы для «дебрей».

Более в дискуссии она участия не принимала, но после ужина любимая бабушка не преминула обратиться к ней.

– Тяжело тебе, детка, – присела она к ней с чашкой чая.

– Я даже не знаю, бабушка...

– Тебя гложет не *это чудовище*, а что-то другое.

– Черников в прошлом, ты права... Но ты могла подумать о таком? Могла ли догадаться?

– Я все тебе сказала в письме. Даже ад не примет его в свою обитель.

Ирина рассказала о Сергее. Рассказала она о своих тревогах и надеждах, рассказала о клубках мыслей, которые так тяжело размотать. И вот что услышала в ответ:

– В жизни, милая моя, настоящая любовь встречается единожды, что бы кто ни говорил. То, что было у тебя с этим дьяволом, – любовью никак назвать нельзя. А вот то, что сейчас в твоих глазах – запросто.

После этого Ирина долго думала, и эти мысли бесконечно терзали ее. И как только она решила, что более не будет заикливаться на Сергее и займется делом, от него пришло письмо. Она была вне себя от радости, переполняющей все ее существо. Дважды перечитав послание, она принялась писать ответ. Так началась их переписка, которая заменила им объятия, долгие беседы и целый мир. Письма приходили два, иногда три раза в неделю, что было несказанно много как для Ирины, так и для Сергея – оба буквально дышали словами друг друга. Они делились абсолютно всем, обсуждали все на свете, и были счастливы в этих непростых и удручающих обстоятельствах.

VII

В конце осени Ирина приняла решение отправиться в Петербург. К тому располагала ситуация и укрепляющиеся дня ото дня чувства. Какова же была ситуация? Дело в том, что последнюю повесть Ирины собирались опубликовать, но для начала ей необходимо было условиться обо всех формальностях с главой издательства, штаб которого находился в столице. Отец, конечно, ее в этом не поддерживал, ссылаясь на то, что она обрела чрезмерную самостоятельность в свои двадцать с небольшим лет. Однако же при всем при том, он был безмерно горд ей. Поэтому к моменту, когда опали все листья, Ирина Александровна направилась в Петербург.

Сергей был уведомлен о прибытии возлюбленной, но его коробила мысль о том, что она сама приезжает к нему, и одновременно он восхищался смелостью этой женщины. Он подготовился к ее приезду тщательнейшим образом: поговорил с начальством насчет его отсутствия в течение двух суток, снял меблированную квартиру недалеко от центра, и в предвкушении встречи, сходил с ума.

Он узнал черные перья на ее шляпе, как только она появилась на перроне. В одной руке она несла соболью муфту, в другой сумочку, слуга сзади нес ее багаж. Среди всего люда у поездов она одна привлекала его взгляд: иначе и быть не могло, своей горделивой походкой и манерностью она растворяла окружающих, обращая весь свет дня и ночи на свой силуэт.

Ирина тоже заметила Сергея, но не подавала вида. Подойдя ближе, она заглянула ему прямо в глаза, от чего у него внутри все перевернулось. Он улыбался, она обнимала его, мир застыл. Сев в экипаж, они, держась за руки, смеялись, говорили о поездке Ирины, об их планах и о том, как ужасен Петербург.

Квартира, которую снял Сергей, была небольшой по размеру, но совершенно очаровательной. Что более всего привлекло Ирину, так это высокие окна и удивительный альков, пристроенный к одному из них.

– Совершенно потрясающе, что ты нашел такую прелестную квартирку! – Хвалила она его. – А вам, военным, верно, дают перечень тех мест, куда непременно нужно привести женщину. Так вот, сегодня тебе предоставляется возможность им воспользоваться. – Говорила она, кокетливо улыбаясь и снимая перчатки и жакет.

– Я хочу почитать то, что ты написала, – изъявил желание Сергей.

– Прочтешь, как напечатает, – хитро взглянула она.

– В любом случае, я знаю, что написано талантливо.

– И снова ты мне льстишь...

– Нет. Снова я убеждаюсь в том, какая ты волшебная. Одно твое присутствие все делает необыкновенным.

* * *

К издателю Ирина собиралась ехать только на следующий день, а весь текущий – подарить ему. После того, как оба привели себя в порядок, они отправились пообедать. Затем они бродили по столице, покупали какие-то мелочи для ее гардероба и квартиры, он не мог оторваться от нее, запоминая каждую нотку ее голоса, ее смех, запоминая каждую ее черточку; а она не могла думать ни о чем, что было за пределами их вселенной. Так промчался их день, окутанный покровом безграничного счастья. Все было сказочно: и теплая для поздней осени погода, и эти улицы, которые оставались незамеченными влюбленными, и то, как им было тепло и спокойно в обществе друг друга. Он часто говорил ей о своей любви, она смущалась, как девочка, и нежно шлепала его муфтой, называя хитрецом.

Полагаю, читатель согласится, что за некоторые часы не жаль было бы отдать годы жизни. Их часы вдвоем были наиболее ценными за всю жизнь, эти мгновения хотелось продлить, уцепиться за них и проживать с упоением минуту за минутой. Никогда оба не чувствовали себя настолько целостными и счастливыми.

– Как такое возможно... Мы же будем гореть в аду, – проговорила Ирина, глядя голову возлюбленного, лежащую у нее на груди.

– Мне плевать. – Был ответ.

– Это все неправильно... Но я не хочу, чтобы это заканчивалось. Я хочу, чтобы этот миг застыл. Чтобы были мы и наша вечность.

Молчание.

– Как можно смотреть на кого-то, – продолжила она шепотом, – просто смотреть и сходить с ума?

Сергей помолчал, устало улыбнулся и ответил:

– Мне сложно ответить. Ведь я уже сошел.

Он посмотрел на нее, и в глазах его было столько трепета и нежности; он пытался выразить ей всю свою безграничную любовь, использовал все слова, бытующие в его запасе, но все же не находил тех, которые в полной мере бы передали весь тот ураган, все те чувства, бушующие у него внутри.

Сложно описать все, что происходило тогда в душах этих несчастных и одновременно безмерно счастливых в эту пору. Это была их вечность, их сказка. Они не наняли прислуги, и утром Ирина сама хлопотала у кухонного стола, варя на спиртовке кофе. А Сергей любовался каждым ее движением, не способный поверить в реальность происходящего.

– Мне нужно к издателю, или дело дрянь. Я и вовсе забыла об этом. – Она резко повернулась к нему, глядя хитрым кошачьим взглядом, который он так любил. – Это все ты, хитрец, взял да забрал мои мысли, наполнил их собой и уж потом вернул, добрейшая душа...

Он смеялся.

– Ты бы посетила театр?

– Ни в коем случае. Я хочу смотреть только на тебя.

Сразу после королевского завтрака они отправились в издательство. Буквально с десять минут Ирина пробыла в кабинете главного и вышла оттуда с хладнокровным выражением лица, но во взгляде читалось удовлетворение.

– Все удачно? – Сергей был взволнован.

– Ты сомневался? – Улыбнулась она.

Весь остаток дня они провели, слоняясь по музеям, а затем засели в ресторане, не забыв обмыть успешную сделку с издателем.

Утром Ирину ждал поезд в Москву. Она не могла поверить, что их время подошло к концу, и необходимо возвращаться в реальность, которая стала более нереальна, чем все то, что происходило с Сергеем. Даже ее постоянное времяпрепровождение за письменным столом, дабы составить наиболее содержательное письмо для возлюбленного – было теперь ее жизнью, ее реальностью, а остальное – приторно слепленной декорацией.

Они около пяти минут стояли у вагона молча, глядя друг на друга. Ирина прервала молчание.

– Да что ж мы как дети! – Она нервно усмехнулась и достала портсигар. – Словно навсегда расстаемся. Чепуха какая!

– Я тебя люблю. Это тоже чепуха?

– Ох, Сержик... Ты знаешь, что нет. Ты все знаешь...

Она закурила, он смотрел на нее, не отрываясь.

– Ты очень многое сделал для меня, не знаю, как благодарить тебя за твою любовь.

– Просто будь рядом.

– Рядом... Сложно быть рядом, находясь в другом городе.

– Вовсе нет. Пусть твоя душа будет со мной, а с телом решим вопрос.

Он впервые за эти минуты улыбнулся и дальше снова погрузился в молчание.

– Знаешь, Сережа... Это было волшебство. Ты и я... Мы...

Ее руки дрожали, сигарета потухла и заново поджечь у нее не получалось, Сергей зажег с первого раза.

– Я вообще не ждала такого, – продолжила она. – Но давай не будем драматизировать. В конце концов, мы знали, на что идем. И нужно пожинать плоды... За все нужно платить.

– Я не смогу уже без тебя, – отчеканил он.

– Сережа...

– Ты говорила, что громких фраз не нужно. Но если то, что я чувствую, можно выразить исключительно этими фразами – я не буду молчать. Меня разрывает изнутри.

– Ты можешь говорить все, что хочешь.

Сейчас у него не было слов. Он не знал, когда увидит ее в следующий раз, но точно знал, что предпримет все, чтобы приблизить этот миг.

– Мне пора. Теперь ты меня провожаешь, забавно. – Опустив глаза, произнесла она, а потом радостно улыбнулась, но в глазах читалась горечь. – Все настолько прекрасно, что мы просто не имеем права грустить! Слышишь, капитан? Правда? Мы ведь нашли друг друга! А то, что иногда приходится терпеть разлуку, – так это к добру. Любовь без препон – не любовь. А в нашем случае, она будет только крепчать.

Она не говорила ему о своих чувствах, уж слишком боялась произнести в слух три слова, которые, по ее мнению, могли махом уничтожить все, однако же Сергей читал все в ее глазах, и слова были ни к чему.

Ирина поцеловала его и вспорхнула в поезд, на мгновение она застыла, обернулась, он смотрел на нее и улыбался, она словила эту улыбку, игриво подмигнула и скрылась. С ним она позволяла себе различные милые глупости, в том числе и кокетство. И каков же был контраст с тем, как она вела себя с его предшественником, с позволения сказать! Об этом она не задумывалась, но знала, что многое не допускала в тех несчастных отношениях, несмотря на то что отдавала всю себя. Что-то всегда держало ее в уздах, то ли в силу возраста и незрелости, то ли в силу того, что человек, находившийся с ней, был вовсе не для нее.

Практически все время до Москвы она думала о своем капитане, иначе и быть могло. Сейчас он был ей особенно дорог. Не обращая внимание на попутчиков, она погружалась в свои думы и мечты. Пожалуй, она могла бы переехать в столицу, несмотря на свою нелюбовь к Петербургу, да и вообще куда угодно, лишь бы сохранить эту привязанность, лишь быть рядом с ним. Какой-то мужчина напротив без конца изучал Ирину, по окончании своих наблюдений он спросил ее о цели поездки в столицу, на что она, с высокомерием глянув на него, уверенно бросила:

– Навещала мужа на службе.

* * *

Сергею было нелегко. Он постоянно думал о ней, о своей музе, о своем смысле. Как же она смогла за такой короткий срок завоевать его сердце? Он не отличался влюбчивостью, но несмотря на свою внешнюю холодность охотно доверялся особам противоположного пола. Часто страдал из-за этого. Последняя его пассия очнулась, когда он уничтожил о ней все воспоминания. Пронюхав где-то о его прибытии в Москву, она выслеживала его и передавала послания с требованием встретиться, ибо она наложит на себя руки и т. д. и т. п. Сергей вздыхал, хмурил брови после прочтения сих весточек и бросал их в огонь. Последнее такое письмо он получил в день бала, когда встретил ту, что затмила все и всех. Он знал, что все угрозы той

барышни лишены основания, и она просто-напросто его запугивает, а далее, когда приносили письма, он делал слуге знак рукой, и тот кланявшись, уходил, унося с собой слезные мольбы на бумаге. Чтобы Ирина ненароком не прознала о том, что ему пишет сумасшедшая влюбленная, он поговорил с камердинером и поручил ему сжигать все письма от дамы X, не сообщая ему о них. Сейчас ему казалось это чувство к Ирине чем-то неземным, тем, что его никогда не посещало и никогда более не посетит. Увидев ее, он сразу все понял: она должна принадлежать ему. И он перевернет за эту мечту мир.

VIII

Шли месяцы, счастье не покидало влюбленных ни на секунду: даже в минуты тоски друг по другу они ощущали невероятную силу их притяжения, уверенность друг в друге и незримые нити, соединившие их.

Жизнь шла своим чередом. Сергей отличался на службе как достойно выполняющий свой долг, Ирина работала над новым произведением, посещала вечера, родительский дом, проводила время с подругами и с самой собой. Сергею удалось приехать в Москву до Нового года, и они провели три незабываемых дня вместе, не кладя при этом на себя тень распушенности, впрочем, им было все равно, они наслаждались своим счастьем и упивались им. Зимний город был их колыбелью, нежно убаюкивающей их в лоне звездного неба, отражающего искристый бисер, усеявший широкие тротуары и величественные площади.

Такой счастливой Ирина не была никогда. Они с Сергеем создали свой мир, в котором все было так, как они желали, за исключением того, что обитали наши влюбленные в разных городах. Но и это не сдерживало их пыла, к тому же, Сергей обещался уладить этот нюанс и ближе к лету подготовить бумаги о переводе в московский полк.

Минула зима, а с ней улетучились все тревожения и беспокойства, которые временами настигали Ирину. Ей казалось, что Господь не даст ей счастья, что он заберет ее любовь, и порой эти страхи доводили ее до истерических припадков и апатичных состояний. Она искала везде символы, намеки на то, что Сергей готов уйти. Это сводило ее с ума, но его стабильное «*я люблю тебя больше жизни*» в конце каждого письма успокаивало ее и возвращало на землю. Сергея отправили в плаванье на весенние месяцы, но способ передавать вести он все же нашел. Ирина постоянно беспокоилась и считала дни до его возвращения, параллельно усердно работая и заводя новые знакомства. По возвращении Сергея они решили отправиться в путешествие по Италии. Можно было смело заключить, что жизнь ее наладилась. Однако одним днем произошло одно весьма неприятное событие, которое не могло не оставить отпечаток в памяти Ирины.

Она сидела за письменным столом и готовила пригласительные на званый ужин в честь изданной книги. В комнату вошла служанка Маша и сообщила, что пришел гость.

– Господин Черников, сударыня, – робко объявила она.

Ирина обронила перо, не поворачиваясь, попросила пригласить.

Она услышала шаги, но по-прежнему не двигалась с места. Он вошел и поприветствовал ее. Ирина надела дружелюбную улыбку и встала, но к неожиданному гостю не приближалась. Он словно изменился. Выражение лица было более мягкое, одет он был проще, нежели раньше.

– Присядь, – предложила хозяйка. – Не хочешь выпить?

– Спасибо, но...

– Может, коньяку? У меня отличный сибирский коньяк.

Он кивнул, она попросила прислугу принести гостю выпить.

– Признаться, не ждала, – она села на кресло напротив.

– Прости, что я как снег на голову...

– Ничего, это в твоей манере.

Он выпил.

– Как ты живешь, Ириша? Ты очень похорошела.

– У меня все замечательно, благодарю тебя. Ты по делам в Москве или погостить?

– Я приезжал повидаться с товарищем, завтра утром отбываю. Захотел увидеть самую прекрасную женщину.

– Вот как, – она также взяла стакан. – Я слышала, ты женишься.

– Да... – Сказал он, вздохнув и опустив глаза.

– Что ж, прими мои искренние поздравления!

– Спасибо, Ира...

Молчали.

– Я знаю про книгу. Вот кого надо поздравлять! Ты настоящий талант, я всегда это говорил! Бриллиант! Ты пришлешь мне экземпляр с подписью? Умоляю!

– Всенепременно.

Опять молчание.

– Я все хотел объясниться...

– Не нужно, – она оборвала его. – Это все уже неважно.

– Я разбил тебе сердце, это неважно? – Он пытался докопаться до ее души, которая уже не способна была откликнуться на его мольбы.

– Мое сердце, Миша, это мое дело. Займись лучше своим.

– Я тебя понял. – Он поставил стакан. – Мне очень жаль.

– Да. И мне, – холодно ответила она.

Он посмотрел на нее. Она величаво сидела, закинув ногу на ногу, и сейчас она выглядела победительницей. Вероятно, она ей и являлась.

– Ты не поужинаешь со мной сегодня вечером? – Спросил он.

– Прости, не могу. Я ужинаю у французского посла. Уж очень меня просили явиться. Мы познакомились еще в Ницце, около года назад, прелестный старичок, надо сказать.

– Я понял... Ты большая умница.

Она улыбнулась.

– Я желаю тебе большого счастья, Миша, – сказала она искренно. – Я прощаю тебе все сполна. Но это, как я сказала, уже не имеет великого значения. А вот сможешь ли ты простить себя... Это весомо.

– Ты необыкновенная, – грустно произнес он, покидая гостиную.

Она посидела в таком положении еще несколько минут, выпив еще стакан коньяка с водой. Затем встала, поправила прическу, и с улыбкой, полной облегчения, направилась в будуар готовиться к вечеру. К слову, на этом ужине Ирина блистала. Изящные остроты, анекдоты на французском, трижды победительница в игре «ассоциации». Она не удивилась себе, но похвалила себя, что делала крайне редко. Впечатление на достойную публику она производить умела. Дело было, скорее, в том, что она обычно считала себя выше людей, возомнившей себя знатью. По большей части, эти люди были менее образованы, чем она, более узколобы и совершенно примитивны. Но как приятно было вуалировать буржуазные шутки, в которых крылось столько подтекста! Ирина упивалась этим.

Как только наступил первый день лета, Ирина осознала, какой насыщенный и тяжелый год она пережила. От Сергея нарочным пришла весточка, в которой сообщалось о его скорейшем прибытии, назначенном на 10 июня. Его полк должен был пришвартоваться в Кронштадте, после, он со всеми бумагами отправится к генералу, а на следующий день будет в Москве.

Она ждала его в открытом кафе недалеко от ее дома. На ней было лиловое платье, которое Сергей заметил с другого конца улицы, а она заметила его улыбку и помчалась ему навстречу.

– Если сейчас так встречаешь, как же будет, когда вернусь с фронта?

– Какого, черт возьми, фронта? – Она легонько толкнула его в грудь.

– Ну, знаешь, милая... Всякие разговоры бытуют в наших кругах. До вас, буржуа, они не долетают пока. – Он улыбнулся и принялся жадно целовать ее лицо. – Как же я скучал...

– Тогда брось разговоры про свои войнушки, и пошли пить кофе.

Они присели за столик и сделали заказ.

– Ты, наверно, отвык от нормальной еды?

– Брось. Нас не морили голодом, а это на службе главное – поддерживать жизнеспособность.

- Ты осунулся. Ты мне такой не нравишься. – Она гладила его лицо своей тонкой ладонью.
- Ха! Вот как? Бросишь теперь бедного моряка? – Она недовольно стукнула его по плечу, он поймал и поцеловал ладонь, которой она это сделала.
- Какой же ты бедный? Звание есть, и ладно.
- Да. Наконец произвели в мичманы, могу спокойно перебраться к тебе.
- Ирина ласково улыбнулась.
- Знаешь, я нашла тебе квартиру, причем совсем рядом. Буквально одна улица от меня. Можем посмотреть ее. Как долго ты пробудешь?
- Им принесли основное блюдо и закуски. Сергей попросил официанта принести водки.
- До четверга.
- Стало быть, еще три дня. А далее? – Она не прикасалась к еде.
- А далее, в свой полк за документами. К слову, сегодня нужно осведомиться у знакомого майора... Я отобедаю у него. Сопроводишь бедного моряка?
- Она взяла его руку.

* * *

- Придя в квартиру, Сергей разобрал вещи, принял ванную, и оба стали собираться к майору Телягину.
- Думаешь, он поможет? – Спросила Ирина, когда они уселись в экипаж.
- Он не может не помочь. Он старый знакомый отца, часто бывал у нас. Ушел в отставку, купил именице, живет – не тужит.
- Тебе очень к лицу форма.
- Мне очень к лицу ты.
- Они добрались до имения Телягина, которое напоминало средневековый особняк. Фасад был декорирован ажурным орнаментом, подъезд украшали статуи, похожие на горгон, однако фронтон и крыша с башенками были прямоугольной формы, что немного приближало архитектуру здания к современному стилю. Гостей встретил чопорный старый дворецкий и проводил их в гостиную, где ожидал хозяин в компании джентльмена и двух барышень.
- Морской волк!
- Воздев руки, полный радости, к Сергею направился мужчина лет пятидесяти с лысой головой и седой бородой. Это был типичный военный в отставке, который не хотел козырять своим интересным прошлым, завешивая его «гражданской мишурой» вроде бесчисленных картин, модной мебели и классического фрака.
- Как я счастлив, что ты наконец добрался до меня! – Он обнял Сергея. – Нынче все в Москве, друг мой. Представь мне чудесную даму, сопровождающую тебя.
- Телягин поцеловал руку Ирине, наговорил ей сладких комплиментов и пригласил пройти в гостиную, куда подали аперитив. Дамы, сидевшие в просторной гостиной, выполненной в стиле старого парижского рококо, были дочерьми Телягина: Мария и Дарья, а джентльмен являлся мужем одной из них – младшей, Дарьи. Мария была намного привлекательнее сестры, тем не менее осталась старой девой и казалась она весьма смиренной. Дарья же, не отличалась ни красотой, ни чувством юмора, но супруг ее не сводил влюбленных глаз с молодой жены. Любовь, порой, чудна.
- Я не забыл о твоей просьбе, Сережа, – сказал Телягин, когда сели обедать.
- И что же?
- За этим дело не станет, будь покоен. Однако же мне нужно разрешение вашего главного.
- За этим дело также не станет, – улыбнулся Сергей.
- Что ж, – Телягин мотнул головой, – в таком случае, переживать не придется.
- Много времени это займет?

Телягин задумался, мышцы рта дернулись.

– Не думаю. Около недели. Успеешь забрать пожитки из казармы и распрощаться с товарищами.

– На это уйдет меньше часа.

– Тогда отлично! Ты собранный малый.

Когда переместились обратно в гостиную, где Ирина очаровывала дочерей Телягина, их отец подошел к стоявшему у окна Сергею. Оба закурили.

– Однако я тебя не совсем понимаю... Вся сила флота в столице, а ты рвешься в Москву. Там перспектив, друг мой, гораздо больше, нежели здесь. И головой ты это осознаешь, – он обернулся и взглянул на Ирину, рассказывающую что-то забавное его дочерям, – а вот другим местом... это место, знаешь ли, загубило не одну жизнь.

Сергей лишь улыбался.

– Вы все молодые так делаете, – отставной майор был разгорячен вином, и его уже сложно было остановить. – Думаете, что впереди вся жизнь, а на деле выходит, что пролетает она вмиг, как поезд мимо станции, на которую больше не вернется. Я в свое время тоже был таким. Не думал о том, что завтра... Разменивался на разное и разных. Так карьера и не сладилась. Не загуби свою из-за женщины.

Сергей не поворачивался в его сторону, выражение его лица ничуть не изменилось: он оставался хладнокровным, непоколебимым и убежденным в своей правоте.

– У меня *без нее* ничего не сладится.

Телягин фыркнул.

– Она потрясающая женщина, сразу заметил. И порода, и интеллект, и все при ней. А смотрит на тебя, как на иконостас...

– А что ж вы тогда разумеете, товарищ майор? – Сергей затянулся.

– А то, сынок, что женщина сегодня есть, завтра – нет. А погоны будут твоим пропуском в успешную жизнь, того не изменить.

– А на черта мне эти погоны, если внутри пусто, и никто не ждет с поля боя?

– Резонно. Однако мой долг тебя предупредить. И отчего бы ей, в таком случае, не пойти на компромисс и не перебраться в столицу?

– Здесь вся ее жизнь, ее семья. Я бы ей не позволил. К тому же, я мужчина, я должен быть там, где она, а не наоборот.

– Ты молод еще, Сергун, отчаян... Как сын ведь мне, – он хлопнул его по плечу. – Подумай. Я насадать не стану. В столице твое будущее.

Сергей спокойно улыбнулся, повернулся и взглядом прикоснулся к предмету своего обожания.

– Мое будущее сейчас сыграет нам что-нибудь из Чайковского. Она волшебным образом управляется с клавишами, впрочем, как и со всем остальным.

– И, да, – продолжил он, – мне думать не о чем. Это дело решенное.

Ирина села за фортепьяно и исполнила несколько композиций, вконец заворожив присутствующих. Сергей смотрел на нее с неистовой жадностью и восхищением, с особым желанием и гордостью, которые как бы кричали: «*Эта женщина – моя*». Сомнений не оставалось – он был уверен в своем выборе, как никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.